

Разутся для Майи

Звезды мирового балета поздравили Плисецкую в Кремле

Гала «Дон Кихот» в Государственном Кремлевском дворце Большой театр завершил чествование Майи Плисецкой. Балерину поздравили: дюжина звезд, шаолиньские монахи, юные брейк-дансеры, целая армия капельдинерш с цветочными корзинами и несколько тысяч зрителей Кремлевского дворца.

Известия 2005-22 №98-С14

Ольга ГЕРДТ

ЮБИЛЕЙ

Режиссеры действия Дмитрий Черняков и Алексей Ратманский, известные концептуальным отношением к советской старине, Майю Плисецкую — балерину сталинской, хрущевской и брежневской эпох, поместили в соответствующую раму: балет «Дон Кихот», всегда лопавшийся от количества персонажей, танцев и фокусов, раздулся теперь до размеров Выставки народных достижений, до отказа набитой всяческими рекордами, раритетами и «дорогими гостями».

В первой картине на площади Барселоны, как стахановцы соревновались, кто выше прыгнет, быстрее прокрутится и дальше всех удержит партнеришу на вытянутой руке, сразу три Китри (Мария Александрова, Алина Кожокару, Вьенсэ Вальдес) и два Базиля (Йохан Кобборг, Жоэль Карреньо). В картине «Таверна» демонстрировали интернационализм, дружбу и многообразие форм балетного адажио приезжие звезды: Кожокару и Кобборг из «Ковент-Гарден» (самые артистичные танцовщики в мире); Артем Шпилевский и Полина Семёнова (самые красивые ноги в мире) из берлинской Штаатсоперы, а также представители Парижской оперы и Мариинки. Эпизод «На мельнице» разыграли как выездной концерт артисток Большого театра (все они танцевали вариации из репертуара Плисецкой) где-то в «лесу прифронтовом»: опекали юных красавиц, а потом плясали для них до упаду,

размахивая сабельками, облаченные в форму артисты Ансамбля песни и пляски им. Александрова. А в картине «Сон Дон Кихота» на сцену вдруг вырвались шаолиньские монахи и под мелодичнейшую и слашавейшую из музыкбросились летать по сцене и колошматить друг друга палками, демонстрируя полнейшую телесную неуязвимость.

Все это плюс преуморительнейшее дефиле капельдинерш с корзинами роз в финальной картине «Во дворце»; поздравления знаменитостей (Зыкина, Капица, Вишневская, Спиваков), выдержаные в особом стиле советского телетоста; или нарезка из новостей разных лет, в которых Плисецкая в роли Одетты—Одиллии неизменно фигурировала в качестве основного «угощения» для руководителей дружественных держав, посещавших Советский Союз, — свидетельствовало о том, что ни одно из слагаемых советского театра абсурда, в который Майя попала, как вольная стрекоза в стеклянную банку, от режиссеров вечера не ускользнуло. Цирковая советская чрезмерность, происходившая от желания поставить рекорды везде — в космосе, балете, политике и личной жизни, — оказалась столь тщательно воссозданной, что казалось, вот-вот потеряется в этой карусели главная героиня вечера — сама Майя Плисецкая.

Особенно напугал «король фламенко» Хоакин Кортес, который так увлекся собственным шоу, что позабыл, на чей

вечер приехал. Минут сорок стучал каблучками, дрожал всем телом, покрикивал и разогревал зал, приставляя пальчик к уху, мол, не слышу (даже когда с галерки «королю» уже кричали «bastaa»). А потанцевав с Плисецкой, вдруг так растроился, что разулся и вручил балерине свои проповеди за сорок минут танца ботинки.

Плисецкая конечно же не потерялась. Она и ботинки взяла не поморшившись, и, продолжая танцевать, крутила их над головой, как будто это веер или розы; и публику заводила одним только движением рук; и если не пустилась в пляс с брейк-дансерами, то только потому, что мешало роскошное платье. А в том, что новые балетные виртуозы ее рекорды так и не побили, убедила одна только пленка с вариацией из «Дон Кихота».

Когда же Плисецкая вышла и дважды (!!) по настоянию публики исполнила номер Бежара «Ave Майя» — хрупкий маленький танец из бисерных шагов и легких манипуляций двумя веерами, — задумка постановщиков показалась донельзя правильной: Майю, такую отдельную, такую уникальную, вся эта эпоха, остроумно реконструированная в «Дон Кихот гала», как будто и не коснулась. Одна была — одна и осталась. В finale, вопреки требованиям жанра окружить юбиляршу как можно большим количеством «поздравляющих», Плисецкую оставили на пустой сцене наедине с огромным залом, который очень долго не отпускал ее, аплодируя стоя. В какой-то момент, когда Плисецкая вдруг споткнулась на своих серебряных каблучках и зрители хором испуганно выдохнули «Ах!...» — стало понятно: вот она настоящая любовь, такое — не срежиссируешь.